

Дом рядом с «Пенатами»

ВОТ УЖЕ несколько лет дом № 2 по Пограничной улице поселка Солнечное, расположенный неподалеку от музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты», привлекает внимание туристов и отдыхающих. Он стал известен благодаря воспоминаниям К. И. Чуковского — «Современники» и Виктора Шкловского — «Жили-были». Автобусы с участниками экскурсии «По литературным местам Карельского перешейка» останавливаются на поляне около этого дома, где когда-то бывали известные русские писатели, художники, деятели культуры.

Здесь Корней Иванович Чуковский жил вместе со своей семьей в 1912—1917 годах. Но поселился он в этой местности еще ранее, в годы столыпинской реакции, после того, как был подвергнут преследованиям царских властей за издание противоправительственного сатирического журнала «Сигнал». В этом районе проживали также писатели В. Г. Короленко, С. Н. Сергеев-Ценский, Леонид Андреев.

Выбор места жительства на территории тогдашнего «Великого княжества Финляндского» диктовался не только соображениями о близости к столице и хорошими природными условиями. В те годы преследований и репрессий против передовых сил русского общества на территории автономной Финляндии полицейский надзор был слабее, чем в других частях страны. Недаром тогда Финляндию иногда называли «ближней эмиграцией». *«Когда в 1907 или 1908 году я приехал в Куоккалу, — писал К. И. Чуковский, — мне говорили шепотом, что на даче «Ваза» скрывались большевики».*

36,

Первоначально Чуковский поселился неподалеку от железнодорожной станции дачного поселка Куоккала (нынешнее Репино) в доме с «несуразной башенкой». Там состоялось его знакомство с И. Е. Репиным. Через некоторое время у Чуковского появляется возможность переехать в более удобное помещение — именно в тот дом, о котором идет речь.

В своих воспоминаниях Чуковский пишет о Репине: *«...Он купил на мое имя ту дачу, в которой я жил тогда (наискосок от Пенатов), перестроил ее всю от основания до крыши, причем сам приходил наблюдать, как работают плотники, и сам руководил их работой. Уже по тому изумлению, с которым он встречал меня в позднейшие годы всякий раз, когда я приходил возвращать ему долг (а я выплачивал свой долг по частям), можно было видеть, что, покупая мне дачу, он не ждал возвращения затраченных денег».*

Виктор Шкловский, не раз бывавший в доме Чуковского в предреволюционные годы, описывает ее в книге «Жили-были»: *«Дача Корнея Ивановича Чуковского с краю Куоккалы... Дача выходит в море нешироким и некрашенным забором. Дальше от моря участок расширяется. Дача стоит на берегу маленькой речки. Оно двухэтажная, с некоторыми отзвуками английского коттеджа... У Корнея Ивановича кабинет в верхнем этаже дачи. К нему даже зимой приезжают писатели».*

И внешний вид дома, и участок, и маленькая речка — все сохранилось до настоящего времени. Помимо Ильи Ефимовича Репина гостями этого дома были жители той же Куоккалы: театральный режиссер и искусствовед Н. Евреинов, художник и первый иллюстратор блоковских «Двенадцати» Юрий Анненков. Приезжали и ранее знакомые с Чуковским Леонид Андреев, Александр Куприн, Сергей Сергеев-Ценский. Сам Чуковский в своих мемуарах вспоминает Алексея Толстого, Сергея Городецкого, Аркадия Аверченко, Сашу Черного, Бориса Садовского, певца Леонида Собинова.

Вероятно, наплыв гостей и вызвал у Чуковского мысль о собирании автографов. Но решил он эту за-

дачу иначе, чем А. Куприн, предоставивший своим гостям расписываться на столе.

Осенью 1913 года Чуковский, по совету художника И. Бродского — талантливого ученика Репина, смастерил самодельный альбом, на заглавном листе которого Борис Садовский написал:

*Наследник и сомышленник Шевченко
Сюда с искусства ты снимаешь пенки.*

Весной следующего, 1914 года И. Е. Репин сделал первый вклад в эту коллекцию, передав Чуковскому рисунок, изображающий его и трех других людей во время уборки упавшей сосны на дорожке «Пенат». Эти «Бурлаки в Пенатах» открыли коллекцию, получившую название «Чукоккалы». Главная особенность «Чукоккалы» — юмор, — отмечал позднее ее собиратель.

Корней Иванович вел это собрание до последних дней своей жизни, когда оно достигло объема 700 страниц. В ней представлены имена Блока, Бунина, Горького, Маяковского, Ильфа и Петрова, Пастернака, Хлебникова, Аверченко, Олеси, А. Толстого, Паустовского, Куприна, Ахматовой. Встречаются в «Чукоккале» рисунки Мстислава Добужинского, Бориса Григорьева, Сергея Чехонина. Представлены в этой коллекции и деятели театра: Шаляпин, Собинов, Евреинов, Качалов. Есть в «Чукоккале» английские писатели — Оскар Уайльд, Герберт Уэллс, Конан-Дойль. Стихи, шаржи, документы (вырезки из газет, объявления), кораблики из бумаги, которые складывал Горький, «окно Чукроста» Маяковского.

В дореволюционное время «Чукоккала» насчитывала несколько десятков страниц. Репин в ней представлен несколькими рисунками. Один изображает немецкого рабочего, вывозящего кайзера Вильгельма II на тачке (1914 г.). На другом изображены гости Корнея Ивановича — «Государственный совет в Чукоккале». Для Репина «Чукоккала» была не только названием альбома автографов, но и названием дома Чуковского. 20 июля 1914 года, в день своего семидесятилетия, Репин, будучи в доме Чуковского, стал рисовать собравшихся, а

38

художник Юрий Анненков, примостившись сзади, зарисовал в это время Репина.

Летом 1915 года у Чуковского часто бывал Владимир Маяковский. Выиграв 65 рублей в лотерею, он снял комнату в Чукоккале. Но денег на еду ему не хватало. Позднее, в автобиографии «Я сам» поэт напишет: *«Установил семь обедающих знакомств. В воскресенье «ем» Чуковского, в понедельник Евреинова и т. д.»*

В доме Корнея Ивановича Маяковский читал свои стихи, в том числе и новые, написанные в тот же день или накануне. *«Эти чтения происходили так часто, что даже моя семилетняя дочь запомнила кое-что наизусть»*, — пишет Чуковский.

В июне 1915 года такое чтение стихов застал на террасе дома Репин. Стихи ему понравились, и он тут же пригласил поэта в «Пенаты», чтобы написать его портрет. Правда, Репин написал не портрет, а лишь набросок-рисунок. Маяковский не остался в долгу: он сделал несколько портретов самого Репина в шаржированном виде, в том числе и в доме Чуковского. На одном из них он изобразил Репина вместе с Чуковским, склонившимися друг к другу во время захватившего их обоих разговора.

«В те годы он рисовал без конца, свободно и легко — за обедом, за ужином, по три, по четыре рисунка — и сейчас же раздавал их окружающим», — пишет о Маяковском в своих мемуарах К. И. Чуковский. Его сын Николай добавляет: *«Сидя у отца моего в кабинете, в большом обществе, и кого-нибудь слушая, они (Репин и Маяковский. — С. Б.) обычно что-нибудь рисовали. Один в одном углу, другой в другом»*.

Рисунки Маяковского вызывали одобрение Репина: *«Самый матерый реалист. От природы ни на шаг и чертовски уловлен характер»*.

По вечерам Репин заходил к Чуковскому и вместе с Маяковским все уходило «по направлению к Оллила (нынешнее Солнечное. — С. Б.), в ближайшую приморскую рощу».

Бывал у Чуковского поэт и авиатор Василий Ка-

39

менский. Он запомнился обитателям дома своими декоративными работами: наклеивал на огромный зеленый картон десяток фантастических драконов, вырезанных из оранжевой и пунцовой бумаги, попеременно с фиолетовыми звездами. Получался чудесный жизнерадостный орнамент. Если повесить эту бумажную импровизацию на стену, в комнате становится весело. В таком духе была украшена Каменским пустующая в доме комната, куда детей ставили в угол.

Первое стихотворение для детей, написанное К. И. Чуковским в 1916 году — «Крокодил» («Ваня и крокодил»), было определенным образом связано с фантастическими рисунками Каменского. В этот период Чуковский, как критик, вел борьбу с пошлостью и сюсюканьем, господствующими в тогдашней детской литературе, в чем ему оказал поддержку А. М. Горький, с которым К. И. Чуковский побывал вместе у И. Е. Репина в 1916 году.

Годы жизни в Куоккале для Корнея Ивановича были плодотворными: за это время он написал несколько десятков критических статей, составивших книги «От Чехова до наших дней», «Критические рассказы», «Лица и маски», «Книга о современных писателях».

Круг интересов Чуковского-литературоведа охватывал в то время творчество поэтов-демократов Шевченко, Некрасова, Уолта Уитмена. Поэтому Б. Садовский совсем не случайно назвал Корнея Ивановича «наследником и сомышленником Шевченки».

В 1917 году Чуковский уехал из Куоккалы, уверенный в скором возвращении. *«Но финны внезапно закрыли границу, а «добрые соседи» разграбили дом»,* — писал он впоследствии.

Репин 19 июля 1923 года написал Чуковскому: *«Вчера, проходя Оллила, с грустью посмотрел на потемневший дом Ваш, на заросшие дороги и двор, вспоминая, сколько там было приливов и отливов всех типов молодой литературы!.. И многое множество брошюр видел я в растерзанном виде на полу, со следами от всех грязных подошв, валенок, среди ободранных*

40

роскошных диванов, где мы так интересно и уютно проводили время за слушанием интересных докладов и горячих речей талантливой литературы, разгоравшейся красным огнем свободы. Да, целый помост образовался на полу в библиотеке из дорогих редких изданий и рукописей...»

В начале 1925 года Чуковский приезжал в Куоккалу, которая тогда входила в состав Финляндии. Визит к Репину произвел на него тягостное впечатление: *«Я вспоминаю о нем, как об одной из самых мучительных неудач моей жизни».* Репина окружали уже не светила русской культуры, а злобные мещане и дешевые мистики. Корней Иванович уговаривал Репина издать свои воспоминания «Далекое близкое» в Советской России, но успеха не добился.

В день смерти Репина, 29 сентября 1930 года, К. И. Чуковский находился в Крыму вместе с Сергеевым-Ценским. *«Случилось так, что мы двое как бы просидели весь тот день у смертного одра того, которого так любили при жизни»,* — скажет потом Сергеев-Ценский.

Прошло еще четверть века. В конце 50-х годов Корней Иванович написал обширный том мемуаров «Современники», где вспоминал своих давних знакомых — гостей дома в Куоккале. В эти же годы сотрудники музея «Пенаты» попросили его указать на фотографиях уцелевших зданий поселка тот дом, где он когда-то жил. Писатель выполнил эту просьбу. Но в Репино он так и не приехал.

С. БЕРНАДСКИЙ

